

С Т Е Н О Г Р А М М А

заседания "круглого стола" на тему "Совершенствование системы обязательного контроля в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"

27 ноября 2015 года

МВ

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Уважаемые коллеги, давайте начинать. Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо, что вы сегодня собрались в стенах Совета Федерации.

У нас сегодня тема "Совершенствование системы обязательного контроля в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма".

Сегодня у нас представители банковского сообщества, профессионального сообщества, ассоциаций. Сегодня мы пригласили руководство Росфинмониторинга, представителей Центрального банка. У нас Скобелкин Дмитрий Германович опаздывает, потому что идет совет директоров. Ничего страшного. Мы будем начинать без него.

Я прежде всего хотел поблагодарить Павла Валерьевича за отличное взаимодействие. Мы с ним часто работаем на площадке комитетов и в Государственной Думе, и в Совете Федерации. Последний наш продукт, можно так сказать, это законодательство в

части драгметаллов и драгкамней, где нам удалось достаточно взвешенную позицию выработать и со стороны регулятора, и со стороны профессионального бизнес-сообщества, и по другим вопросам. Мы активно взаимодействуем и с Росфинмониторингом, и с Банком России. Надеюсь, что сегодняшнее решение, которое нам предстоит принять, тоже будет плодом взвешенного сотрудничества.

Пользуясь случаем, Павел Валерьевич, хотел бы поблагодарить Вас за ту активную работу, которую Вы ведете по приведению в соответствие нашего законодательства, норм российского регулирования и международным стандартам. Задача очень сложная, особенно в текущей непростой и политической, и экономической ситуации. Но прошу вас при этом соответственно соблюдать этот баланс экономического и политического, а самое главное — здравого смысла, чтобы все-таки при приведении в соответствие этого всего лучшим мировым практикам, нам оставить в живых наших хозяйствующих субъектов.

Я вчера был в своем регионе в Костромской области. И там у нас есть такой формат — "банковский клуб". Собираются все руководители банков, филиалов и самостоятельных банков, и делятся с губернатором, с властями своими проблемами. Могу сказать, что реально ситуация достаточно сложная. Банки стонут, банки стонут от закручивания регулирования и со стороны Центрального банка, и в части нашей сегодняшней темы тоже есть вопросы.

Но с другой стороны мы должны понимать, что ситуация не простая, много фактов и новых случаев усиления и террористической ситуации, и безусловно власти. И мы, как законодатели, должны идти в русле и бороться с этими новыми проявлениями.

Еще раз хочу попросить регулятора, и Росфинмониторинг при возможных "вилках", которые дает нам международная практика, международные стандарты все-таки принимать во внимание ту непростую ситуацию, которая складывается в российском банковском секторе, и в экономике в целом для того, чтобы давать возможные послабления нашим банкам, нашим субъектам, конечно, без ущерба в целом для дела борьбы с этим большим злом, как отмывание и финансирование терроризма.

Я хотел бы в двух словах сказать по законодательству, что мы сделали в последнее время. В первую очередь 213-й закон, который ужесточил процедуру открытия банковских счетов и аккредитивов хозяйственным обществам, которые имеют стратегическое значение для оборонно-промышленного комплекса и безопасности страны.

аа

Соответствующие операции на сумму свыше 50 миллионов были включены в систему обязательного контроля. Схожие изменения были внесены и в Федеральный закон "О государственном оборонном заказе". Мы, Совет Федерации, недавно проголосовали, и Президент подписал данный закон. Правда, одновременно мы запретили проводить операции во всех банках, кроме тех, которые принадлежат государству. При этом в моем понимании — это не совсем правильно. И мы недавно на Межрегиональном банковском совете при Совете Федерации об этом говорили, что все-таки и регулятор, и Правительство должны разработать такую систему, которая бы действительно оценивала объективно качество банка и на основании этого принимала решение(?) допускать государственные средства или нет. Потому что та ситуация, которая была до этого, когда фактически всем можно было получать эти госсредства, и мы знаем много случаев, когда в

банках при отзыве лицензий многие государственные структуры теряли средства, но обратной стороной является загнать все деньги только в госбанки, что тоже, наверное, неправильно.

Закон № 173, который установил особенности осуществления финансовых операций банков с иностранными гражданами — юридическими лицами, также в этом законе были заложены основные механизмы контроля за счетами российских налогоплательщиков в иностранных банках. Важнейшим нововведением в части приведения законодательства о ПОД/ФТ в соответствии с лучшими мировыми практиками стало появление права финансовых организаций при приеме на обслуживание и обслуживании клиентов принимать обоснованные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры по определению источников происхождения денежных средств, иного имущества.

Что нам предстоит в этой области? Нам нужно повысить прозрачность бенефициарной собственности путем создания механизма идентификации в отношении иностранных структур без образования юрлица, совершенствовать механизмы идентификации, в том числе удаленные, упрощенные, с одной стороны, направленные на повышение доступности финансовых услуг, с другой, на недопущение финансирования экстремистских и террористических организаций. Но нам надо, если мы говорим об упрощенной системе идентификации, все-таки сегодня пылающе(?) призываю, послушать и профессиональные объединения, и банки, кто будет говорить об этом, все-таки там есть еще ресурсы, для того чтобы без ущерба для дела, что называется, сделать жизнь банкам чуть-чуть попроще.

Ну и опять же тема, которую мы обсуждали на Межрегиональном банковском совете буквально неделю назад,

хотелось бы тоже ваши мнения послушать, это ужесточение законодательства в части ответственности за вывод и замену активов на заведомо менее ценные даже безотносительно факта банкротства или небанкротства кредитной организации. В моем понимании, здесь надо приравнивать ответственность к ответственности по закону № 115, потому что на самом деле это бич современной банковской системы, и без этого мы не в состоянии были победить ни коррупцию, ни остальные серьезные недостатки нашей экономики.

Я вступительное слово закончил. Я хотел бы предложить такой регламент: сначала выступают регуляторы наши в лице Росфинмониторинга и Банка России, дальше мы попросим выступить представителей одной из наших основных ассоциаций, которая эту тему очень активно ведет, в том числе на площадке Совета Федерации, Национальный совет финансового рынка. Здесь у нас вице-президент ассоциации "Россия" присутствует, Вы, наверное, тоже захотите сказать. Потом дадим слово банкам и оставим 10–15 минут на вопросы, если они есть. Предлагается в полтора часа уложиться. Прошу выступления не более 5–7 минут. Спасибо.

Павел Валерьевич, я тогда Вам предоставлю слово первому.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Большое спасибо, Николай Андреевич, за теплые слова, которые прозвучали в адрес Росфинмониторинга. Мы тоже всегда чувствуем поддержку Совета Федерации, что особенно важно при проведении наших законодательных инициатив, потому что они зачастую очень спорные.

МГ

Действительно, оказывают разнонаправленное воздействие на банковское сообщество, финансовые организации, через это – на весь бизнес, но нам удастся общими усилиями, на мой взгляд, найти баланс между интересами обеспечения государственной и общественной безопасности и интересами ведения нормального, комфортного, с комфортными условиями ведения бизнеса в России.

Уважаемые коллеги, Николай Андреевич совершенно правильно обозначил две наиболее болезненные темы. Это основная тема нашего сегодняшнего "круглого стола" – операции, подлежащие обязательному контролю – можно было бы ее расширить, если бы у нас было чуть больше времени, на в целом операции, подлежащие контролю, – и проблемы идентификации.

Что я могу сказать по поводу обязательного контроля? Раздаются довольно часто в банковском сообществе, в целом на финансовых рынках голоса, что институт этот в какой-то степени перегружен, в какой-то степени архаичен, не присущ для большинства международных систем и в этой связи, наверное, выполнил свою роль как ментор, как проводник нашей системы к тем рубежам, которых мы достигли на сегодняшний день: научил банковскую систему работать с операциями, имеющими признаки подозрительности, и в этой связи его как заслуженного ветерана надо в массе в основном отправить в отставку, проводив аплодисментами.

Ну, я думаю, что преждевременно смотреть на эту проблему под таким углом зрения, и попытаюсь свое мнение здесь перед вами обосновать, уважаемые коллеги. Да, действительно, за рубежом нечасто встречаются; в общем-то, можно привести примеры таких юрисдикций, как Соединенные Штаты и Австралия, где обязательный контроль осуществляется за операциями, связанными

с оборотом наличных денежных средств. Для этих экономик в принципе нехарактерен оборот наличных денежных средств, для Российской Федерации – напротив, но у нас как раз операции с наличными денежными средствами в таком ключе, как в названных мною юрисдикциях, обязательному контролю не подлежат.

Но при этом наш обязательный контроль также выявил ряд рисков зон, которые у нас содержатся, как вы помните, в статье 6 115-ФЗ в виде операций, подлежащих обязательному контролю, и установил на момент принятия 115-ФЗ (на 2001 год) достаточно высокий порог – 600 тыс. рублей по большинству из этих операций. Есть, конечно, исключения; большинство из этих исключений появились позднее, когда ситуация изменилась, но вот, о чем можно говорить в этой связи, когда мы обсуждаем оба аспекта проблемы обязательного контроля – перечень операций и суммовой порог.

Что касается перечня операций. Возможно, некоторые из них действительно устарели, но если проанализировать в целом, в общем-то там наиболее рискованные темы остались, и с момента принятия закона, я думаю, ситуация в сфере операций не так уж изменилась, чтобы нам кардинальным образом этот перечень менять. Это подтверждается динамикой поступления в Росфинмониторинг сообщений об операциях, подлежащих обязательному контролю, по сравнению с операциями, выявляемыми банками в рамках внутреннего контроля, – так называемыми "подозрительными" операциями в узком смысле слова. Соотношение здесь будет примерно 60 на 40 процентов в пользу операций, выявляемых банками самостоятельно. Но самостоятельно – это, как вы понимаете, коллеги, профессионалы здесь сидящие, тоже достаточно условно, потому что в большей части в этой аудитории можно сказать, все-таки банки ориентируются на критерии, установленные

регуляторами, хотя все активнее и активнее используют собственные профессиональные усмотрения — действительно, иногда очень интересные схемы выявляют, которые регуляторы не углядели. Но 40 процентов операций, подлежащих обязательному контролю в общем многомиллионном, можно сказать, массиве сообщений о подозрительных (в широком уже смысле) операциях — то есть и обязательный контроль здесь, и внутренний, я имею в виду, — говорят о том, что, во-первых, по-прежнему востребован этот механизм контроля первичного финансового мониторинга, а во-вторых, недобросовестные или потенциально недобросовестные клиенты продолжают этим операциям повышенное внимание и совершать их, по всей видимости, в том числе (хотя и не обязательно) в целях противоправных. Поэтому я думаю, что в данной части обязательный контроль демонстрирует свою работоспособность. Это первое.

Второе. По суммовому порогу. Ну, можно говорить о том, что экономическая ситуация изменилась, но чтобы говорить об этом, я применю тот аргумент, который применял в разговорах с представителями ювелирного сектора, других секторов, которые настаивают на изменении либо установлении либо корректировке тех или иных суммовых порогов в 115-ФЗ.

ст

Коллеги, расчеты, конкретные расчеты, которые убедят регуляторов в том, что данная сумма потеряла свою актуальность. Апеллирование к макроэкономическим показателям в данном случае, наверное, не совсем убедительно. И надо полагать, еще важным является то, что система на определенную сумму настроилась и, учитывая тяжелую ситуацию в мире и в стране в целом, ломать настроенную систему надо только заменяя ее основные параметры

сознательно. Потому что всякая ломка системы, даже активно действующая, это порядка года реформ до тех пор, пока она выйдет на прежние достигнутые рубежи эффективности. Поэтому резюмируя данную часть выступления, я говорю о том, что в части тех операций, которые сейчас установлены в статье, мы готовы дискутировать. Мы готовы обсуждать как отмену определенных операций, так и установление по определенным операциям других суммовых порогов, даже можно сделать его плавающим, почему бы и нет, уйти от базового порога, для разных категорий операций установить разный порог, когда применяется обязательный контроль, но через расчеты, через убедительные доказательства того, что это именно соответствует как рискам, существующим в данном секторе, так и транзакциям, которые в нем проводят клиенты. Это первое.

Второе. Есть еще один существенный аспект, который в настоящий момент мы пытаемся развивать, совершенствуя систему обязательного контроля. Вы, наверное, обратили, уважаемые коллеги, внимание, что за последние три года, где-то с 2013-го начали появляться такие кластеры определенных операций, подлежащих обязательному контролю, под определенным углом зрения. Прежде всего, это операции НКО как приходные, так и расходные. Вы понимаете, чем это было обусловлено, это необходимо с точки зрения обеспечения государственной безопасности. В некоторых юрисдикциях режим регулирования деятельности финансовый некоммерческих организаций гораздо более жесткий, чем у нас. Но в данном случае мы все-таки осуществляем наблюдение за их деятельностью. И вот возник такой механизм.

Далее. Возникли темы, которые уже были Николаем Андреевичем озвучены — это, во-первых, контроль за деятельностью предприятий, имеющих стратегическое значение для национальной

безопасности, и контроль за деятельностью, это уже самая свежая тема, предприятий, являющихся исполнителями по гособоронзаказу. Тут тоже мы прибегли к нашему известному отработанному и оправдавшему себя механизму обязательного контроля, правда, установив соответствующие требования в том самом подходе, о котором я озвучил, то есть достаточно плавающий суммовой порог, в зависимости от риска того или иного вида операций.

Уважаемые коллеги, я считаю, что это будущее научной(?) системы в Российской Федерации, установление обязательного контроля за наиболее важными или наиболее критичными, или наиболее рисковыми сферами экономики и общественной жизни с постепенным уходом от него в рамках стандартной экономической деятельности. Я думаю, что вот здесь возражений у нас не будет. Самое для нас главное, для государственных органов, для регулятора, Банка России, и для вас, я думаю, и для предпринимателей, наших клиентов финансовых организаций не ошибиться с установлением вот этих рискованных секторов. Потому что в данном случае обязательный контроль с одной стороны дает государству возможность видеть, что происходит и предпринимать соответствующие меры, особенно при расходовании бюджетных средств, а с другой стороны ориентирует хозяйствующие субъекты на то, что в данном сегменте существуют риски и выбор хозяйствующего субъекта: эти риски усугублять и таким образом становиться потенциальным объектом обоснованной государственной репрессии, либо эти риски стараться минимизировать. Безусловно, есть третий выбор – вообще уйти из этого сектора, но я думаю, что такой цели мы добиться не пытаемся.

Завершая свое выступление в этой части, я хочу сказать, уважаемые коллеги, что альтернативой обязательному контролю

является для наших банков и прочих финансовых институтов развертывание системы работы с клиентами по западному образцу. Вы знаете, что это система гораздо более жесткого отбора клиентов, массовых отказов, в том числе немотивированных. Это система собирания клиентского досье силами финансовых организаций, финансовых институтов со всеми затратами и издержками.

вб

Я думаю, что в этом случае издержки финансовой системы возрастут на порядок по сравнению с действующей ситуацией, когда примерно 50 процентов... Нет, так оно и будет. Потому что если вы думаете, что вам удастся отделаться какими-то пустыми сообщениями, как это иногда сейчас бывает, то ошибаетесь. Посмотрите, как работают западные банки. Это будет на порядок выше, как минимум на порядок. Соответственно, в ваших собственных интересах, чтобы обязательный контроль сохранялся.

По идентификации несколько слов. Совершенно соглашусь с Николаем Андреевичем, что идентификацию необходимо развивать упрощенную, что мы, принимая 110-й федеральный закон, может быть, слишком оптимистически отнеслись к реальным возможностям государственных органов и государственных ресурсов. Но мы стараемся их всячески расширять — эти возможности, создавать действительно комфортные сервисы. Я считаю, что упрощенная идентификация должна, с одной стороны, вытеснять неидентифицированные платежи (особенно в сложившейся ситуации, когда у нас так тяжело с терроризмом), а с другой стороны, должна в какой-то части заменять и те операции и те виды деятельности, которые требуют сейчас полной идентификации, в качестве компенсаторной меры для бизнеса. Я думаю, если мы найдем соответствующий необходимый баланс (для чего мы здесь и

собрались), тогда мы цели нашей достигнем. Спасибо за внимание. Я, наверное, сказал все, что хотел.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо большое, Павел Валерьевич. Я хочу сказать, что у нас подготовлен проект рекомендаций. Конечно, они претерпят существенные изменения после сегодняшнего обсуждения. И я думаю, что и со стороны Павла Валерьевича мы хотели бы послушать (можно потом в заочном режиме) комментарии, и со стороны уважаемого Центрального Банка.

Илья Владимирович, тогда я Вам хотел бы предоставить слово, если можно. С места хотите?

И.В. ЯСИНСКИЙ

Как скажете.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Я думаю, что лучше туда, чтобы мы Вас все хорошо видели. Ясинский Илья Владимирович, заместитель директора Департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России.

И.В. ЯСИНСКИЙ

Николай Андреевич, спасибо за предоставленное слово. Уважаемые коллеги, та тема, которую мы сегодня обсуждаем, безусловно, что называется, находится на острие атаки в том смысле, что мы с вами, как правоприменители, исходим из того, что с каждым годом нагрузка на финансовую систему с точки зрения выполнения публично-правовых функций возрастает. Это безусловный факт, и вряд ли кто-либо будет против этого возражать. Другое дело, что мы с вами должны понимать, что это происходит не просто так, для этого есть абсолютно очевидные глубинные причины. И в этом смысле мы с вами не можем не реагировать на те изменения, которые в нашей жизни происходят.

Поэтому, что касается обязательного контроля, мы с вами прекрасно понимаем, почему обязательный контроль появился в российской системе ПОД/ФТ, у которой мы скоро будем отмечать 15-летие. Это сегодня мы с вами знаем такие слова, как "противодействие легализации и финансированию терроризма", но 15 лет тому назад мало кто в этой аудитории представлял, что такая терминология в принципе существует. И понятно, что, когда система запускалась, нужно было сделать так, чтобы федеральная база данных по операциям, которые могут вызывать определенные подозрения, была сформирована как можно быстрее. И безусловно, в этом смысле значительное внимание, значительная надежда возлагалась именно на институт обязательного контроля.

Другое дело, что по мере того, как система развивалась, по мере того, как Росфинмониторинг накопил информацию о такого рода операциях, очевидно встал вопрос о том, а нужно ли сохранять обязательный контроль в том виде, в котором он первоначально был в законе зафиксирован. Тем более что, как мы с вами знаем, и международные стандарты шли и идут по этому направлению, и мы разворачиваемся в эту сторону. Акцент должен быть сделан на так называемый риск-ориентированный подход. Поэтому, очевидно, не столько важно репортировать финансовую разведку о тех операциях, которые отвечают определенным критериям (причем, как говорил Павел Валерьевич, ряд из этих критериев уже, возможно, устарели и требуют пересмотра), сколько акцент должен делаться действительно на тех операциях, которые вызывают сомнение с точки зрения их экономической обоснованности и легитимности.

И, как мы с вами помним, по мере того, как система развивалась, постепенно менялось соотношение сообщений об операциях, подлежащих обязательному контролю, и подозрительных

операциях. Постепенно баланс стал смещаться в сторону подозрительных, сомнительных операций. Павел Валерьевич это сегодня тоже подтвердил. Это, кстати говоря, лишний раз доказывает то обстоятельство, что субъекты финансового рынка (в первую очередь кредитные организации) даже без подсказки сверху переориентировались на так называемый риск-ориентированный подход.

Другое дело, что модификация системы, в том числе за счет предоставления финансовым институтам дополнительных полномочий по работе с клиентами, которые проводят сомнительные операции, привела к тому, что мы с вами увидели определенный отскок назад в плане того, какую долю составляют сообщения о подозрительных операциях.

тм

Если на определенном этапе их количество балансировало от двух третей до трех четвертей от общего количества сообщений, которые направлялись в финансовую разведку, сегодня, как сказал Павел Валерьевич, наблюдается примерный приоритет. И это понятно почему, как мы с вами знаем, в первую очередь банки получили такие радикальные полномочия, как полномочия по отказам в проведении операции, если они вызывают подозрения. И понятно, что если операция не проведена, сообщать не о чем. Но при этом мы с вами прекрасно знаем, что финансовая разведка от такой конструкции не страдает. Почему? Потому что как только ты реализовал полномочие по отказам (о факте отказа, о субъекте, в проведении операции которого отказано, сумма, вся подоплека операции), сообщения об этом все равно в финансовую разведку направляются.

Несмотря на то, что, как мы с вами уже говорили, на определенном этапе, на экспертном уровне, стал обсуждаться вопрос о том, а нужен ли нам теперь обязательный контроль. И если мне даже память не изменяет, с Палом Валерьевичем мы публично эту тему обсуждали, и уже некоторое время тому назад осторожно говорили о том, что ну да, наверное, акцент сам по себе объективно смещается в сторону сомнительных операций, но, как я уже говорил, очевидно, жизнь вносит свои коррективы в нашу с вами работу.

И готов полностью согласиться с той позицией, которую озвучил Павел Валерьевич, о том, что у нас появились некие кластеры операций, которые представляют наибольший интерес с точки зрения построения эффективной системы государственного финансового контроля. И как мы с вами видим, три кластера ярко выражены. Это контроль за операциями некоммерческих организаций. Сейчас за скобками оставляем вопрос о том, что может быть не вполне удачные, четкие формулировки, которые определяют ту или иную операцию, подлежащую обязательному контролю, но в наших с вами силах совместно с коллегами из Росфинмониторинга эти формулировки уточнить. И я надеюсь, мы это в ближайшее время сделаем. Но тем не менее это тот сектор, которому уделяется особое внимание. Второй кластер – это операции стратегически важных предприятий. И что называется опять же на злобу дня это контроль за расходованием бюджетных средств в рамках государственного оборонного заказа.

Поэтому, очевидно, на сегодня мы с вами должны признать та дискуссия, которая некоторое время тому назад велась на тему того, что обязательный контроль устарел, наверное, на сегодня актуальность потеряла. Нет, обязательный контроль не устарел, он вышел на другой качественный уровень. И есть, наверное, смысл

подумать, стоит ли сохранять определенные виды операций, подлежащих обязательному контролю, которые зафиксированы в действующей редакции закона. Но при этом мы с вами прекрасно понимаем, что те кластеры, которые были обозначены, возможно, появятся какие-то дополнительные, они все-таки потребуют от нас сохранения соответствующей работы.

Что касается издержек, которые несут финансовые институты. Я не готов согласиться с позицией отдельных представителей банковского сообщества, что эти издержки сверх меры. Почему? Потому что мы с вами прекрасно знаем, у нас система построена таким образом, что сообщения в финансовую разведку направляются в электронном виде. Для этого создаются специальные программные комплексы. И по большому счету это та работа, которая в полном объеме автоматизирована. Вижу в зале некоторые коллеги все-таки продолжают не соглашаться с этой позицией. Есть нюансы, да, я не говорю, что все идеально, нюансы есть, их не может не быть. Но тем не менее большая часть работы автоматизирована. И для того чтобы, может быть, продолжать направление в сторону снижения нагрузки на финансовые институты, просто нам надо совместно работать с более четким определением того, что есть та операция, которая представляет интерес для государства, и о чем именно необходимо направить сведения в финансовую разведку.

Резюмируя эту часть своего выступления, все-таки подвожу черту. В этой части мы полностью солидарны с Росфинмониторингом, обязательный контроль вышел на новый уровень, и понятно, что будет государство уделять точечное внимание отдельным кластерам, по которым финансовые институты, не только банки, должны будут продолжать направлять сообщения в финансовую разведку.

Второй момент – это тот момент, который сегодня еще не дискутировался, но который тоже назрел давно, и по поводу которого Банк России свою позицию уже неоднократно высказывал. Мы с вами знаем, что система построена таким образом, что есть перечень субъектов исполнения закона и есть перечень операций, подлежащих обязательному контролю. При этом в законе нигде не говорится о том, какой субъект (как указано в законе) какую из операций должен выявлять. И в результате получается таким образом, что каждый субъект, который обнаружил признаки ОПОКов, должен об этом информировать финансовую разведку.

аб

И мы с вами также знаем, что основная нагрузка в этой части лежит на кредитных организациях. Мы в свое время выступали с соответствующей инициативой, полагаем возможным продолжить с этой инициативой работать и дальше. С инициативой о том, чтобы несколько дифференцировать требования, которые предъявляются к финансовым институтам с точки зрения выявления и репортирования об ОПОКах с акцентом на то, какие ОПОКи относятся к основным видам деятельности того или иного субъекта исполнения закона.

На примере кредитных организаций мы говорим о том, что очевидно, скорее всего, не их дело выявлять так называемые сделочные операции, подлежащие обязательному контролю, когда отсутствуют операции по банковским счетам, и финансовые институты вынуждены предпринимать дополнительные телодвижения для того, чтобы получить документы и информацию, на основании которых они могли бы сделать однозначный вывод о том, что операция подпадает под обязательный контроль. И в этом смысле на примере кредитных организаций мы говорим о том, что

их зоной ответственности должны быть только расчеты. И если мы пойдем по этому пути, как нам представляется, в этом заинтересован Росфинмониторинг, поступающая информация, которую и банки, и иные субъекты исполнения закона... в Росфинмониторинг будет более качественная с одной стороны, а с другой стороны такой подход позволит несколько снизить издержки, с которыми сегодня кредитные организации сталкиваются, и мы это прекрасно осознаем.

Ну, и последний момент, на который бы я хотел обратить ваше внимание, который уже сегодня упоминался, правда, за рамками обозначенной темы "круглого стола" – это проблематика идентификации.

Мы с вами прекрасно понимаем, как люди, которые работают в этой сфере, что институт идентификации является краеугольным камнем всей системы. Нет идентификации – нет противодействия легализации преступных доходов. И как мы с вами знаем, до относительно недавнего времени закон был построен таким образом, что требования по идентификации носили очень жесткий, тотальный характер, и изъятий в законе не было практически никаких на эту тему.

Изменения, которые вносились в закон в последние несколько лет при активном участии депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, естественно, при экспертной оценке Росфинмониторингом Банка России и кредитных организаций позволили в значительной степени оптимизировать те требования, которые к финансовым институтам предъявляются, в том числе за счет внедрения в закон новых институтов, и один из них сегодня упоминался, это так называемая упрощенная идентификация, хотя я с осторожностью оцениваю необходимость дальнейшего развития этого института. Почему? Потому что все-таки упрощенная

идентификация, скорее, должна быть в тех случаях, когда процедуры стандартной идентификации сводят на нет экономическую целесообразность проведения операции, либо издержки, которые связаны с идентификацией, тоже существенным образом снижают эффективность проводимой операции.

Поэтому в этом смысле, когда законодатель пошел по пути установления упрощенной идентификации только в отношении узкого круга операций, на мой взгляд, этот путь абсолютно оправдан. Другое дело, согласен с Павлом Валерьевичем, наверное, мы немного переоценили возможности федеральных органов исполнительной власти, в распоряжении которых находятся федеральные базы данных, содержащие соответствующую информацию, но это не значит, что сам институт плох, просто требуется дополнительное время для того, чтобы его вывести на необходимый уровень эффективности.

Ну, и последний момент, на котором хотел бы заострить внимание, он также тесно связан с идентификацией, это момент, связанный с тем, что вот уже больше двух лет прошло с того момента, как на Банк России были возложены функции так называемого единого регулятора, и в первую очередь в сфере противодействия легализации преступных доходов.

Как вы знаете, мы устанавливаем требования не только в отношении кредитных организаций, но и некредитных финансовых институтов, и здесь практически до конца прошлого года на законодательном уровне существовал такой ярко выраженный пробел, который заключался в том, что у Банка России, несмотря на то, что он выполнял функции единого регулятора, не было возможности устанавливать требования к идентификации для некредитных финансовых организаций. А одна из основных задач

регулятора, как вы понимаете, — это выравнивание уровня регулирования для того, чтобы у наших с вами оппонентов не было соблазна проводить операции в том сегменте финансового рынка, который зарегулирован в меньшей степени. И понятно, что в этом смысле банковская система — это та, которая действует по четко определенным правилам, и понятно, что организация системы ПОД/ФТ в банковском секторе на сегодня находится на более высоком организационном уровне, нежели в иных секторах финансового рынка.

Поэтому задача регулятора при поддержке Росфинмониторинга — это обеспечение единых правил игры, и, естественно, наша задача — сделать так, чтобы те правила, которые мы устанавливали, были бы максимально прозрачными.

И сделаю маленький анонс: совместно с Росфинмониторингом была подготовлена новая редакция акта Банка России, который устанавливает требования к идентификации, в отличие от действующей редакции, как вы помните, туда добавляются две новых группы лиц: это представители клиента и бенефициарные владельцы.

сб

И этот акт не является революционным, мы сознательно пошли по пути эволюции. И, с одной стороны, попытались привести наше регулирование в соответствие с действующей редакцией закона о противодействии легализации, с другой стороны, уже на уровне нормативного регулирования снять значительное количество проблем, с которыми сегодня сталкиваются кредитные организации при выполнении требований по идентификации клиентов, представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев.

Надеюсь, что нам эту задачу по крайней мере на ближнесрочную перспективу решить удалось. Спасибо за внимание, коллеги.

Можно вопрос? А когда он будет опубликован?

И.В. ЯСИНСКИЙ

Мы с вами прекрасно знаем процедуру подготовки и вступления в силу ведомственных нормативных актов. Председателем Банка России этот нормативный акт подписан, в настоящее время он находится на регистрации в Министерстве юстиции и все зависит от наших коллег из этого министерства. Мы надеемся, что до конца текущего года акт будет зарегистрирован и в вестнике Банка России опубликован.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо большое, Илья Владимирович.

Я только единственное хотел бы (я думаю, что вы еще много услышите и вопросов, и, наверное, комментариев к услышанному со стороны банковского сообщества), что попросить: опять же, возвращаясь к моей вчерашней повестке встречи с банкирами в регионах, по их словам, ужасно идет процесс согласования новых правил, новых внутренних документов с территориальными учреждениями. То есть такое впечатление, что просто прогоняют через систему антиплагиата, и если запятые не совпадают, то соответственно сразу не согласовывают эти требования и чуть ли не переводят в другую категорию надежности банки и так далее. То есть какая-то там нездоровая, мне кажется, ситуация.

И, с другой стороны, говорят, что настолько объективно и хорошо работает ваш департамент, насколько эффективно можно взаимодействовать, настолько неэффективно происходит взаимодействие именно с территориальными управлениями. Я

сейчас говорю про Центральный федеральный округ, я не буду говорить за другие регионы.

У меня к Вам просьба, (*имя и отчество неразборчиво*), посмотреть и разобраться с ситуацией, если это действительно так, все-таки как бы "скорректировать" коллег, чтобы разбирались по смыслу, по сути, а не по форме. Что называется передаю просьбу коллег из регионов.

Теперь я хотел бы предоставить слово представителям Национального совета финансового рынка, организации, которая достаточно активно работает именно по направлению, связанному с ПОД/ФТ. Единственное, что здесь вы вдвоем записались...

А.В. ЕМЕЛИН

Как я обещал, у меня просто реплика.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Пожалуйста.

А.В. ЕМЕЛИН

Я хотел бы поблагодарить, прежде всего, Николая Андреевича за то внимание, которое он уделяет проблематике ПОД/ФТ и в его лице Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, поскольку именно под его эгидой была сформирована наша экспертная группа, которая объединила всех заинтересованных сотрудников кредитных организаций, не только кредитных организаций.

Результаты работы экспертной группы сегодня в раздаточных материалах, это законодательные предложения обобщенные. И мне очень приятно, что те выступления, которые сегодня прозвучали от Павла Валериевича, от Ильи Владимировича, они практически в унисон с теми предложениями, которые формулирует экспертная группа. Это и тема расширения упрощенной идентификации в обе

стороны (и в сторону неидентифицируемых операций, и в сторону операций ОПОК), это и тема, связанная с решениями для отдельных видов операций (уточнения), о чем говорил Илья Владимирович. Полностью совпадает с подходом, который поддерживают члены экспертной группы.

Мы проведем обязательно оперативную работу по уточнению положений с учетом тех позиций, которые сегодня будут высказаны. Очень благодарны и Росфинмониторингу, и Центральному банку за постоянный диалог, который поддерживается профессиональным сообществом.

Мы теперь имеем возможность регулярно сверять часы на площадке Совета Федерации, будем с удовольствием это делать, представляя вам, как сегодня, например, результаты довольно большой работы, связанной с опросом кредитных организаций именно по ОПОК. Спасибо.

Наумов Александр Евгеньевич, заместитель председателя Национального совета финансового рынка и по совместительству руководитель нашей экспертной группы.

А.Е. НАУМОВ

Коллеги, добрый день!

Большое спасибо, Николай Андреевич, за то, что дали возможность выступить на сегодняшнем мероприятии. И опять же повторюсь, наверное, в том, что сказал Андрей Викторович, это, наверное, не случайно произошло.

МВ

Это говорит о том, что и регуляторы, и экспертные сообщества трезво оценивают ту работу, которую мы ведем, и понимают, что улучшение эффективности контроля, в котором, я думаю, что все заинтересованы, приведет только к улучшению

ситуации, связанной с выявлением операций подлежащих обязательному контролю или операций, в отношении которых возникают(?) какие-то подозрения у банков.

И цель моего выступления заключается в том, что мы попытались (опять же хотел сказать, чтобы вы нас сильно за это не ругали) оценить реальные трудозатраты, реальные проблемы, которые возникают при реализации ОПОК (кодов обязательного контроля).

И те результаты, которые мы получили, они повторяют то, что сейчас на этой трибуне озвучили представители Банка России и представители Росфинмониторинга.

Итак, если позволите, я очень кратко покажу вам результаты. Материалы участвующим мы потом по результатам разошлем. Мы постарались собрать экспертное сообщество. Понятно, что оценить весь финансовый рынок физически мы как банковское объединение не можем, но мы попытались это сделать. И мы оценили на уровне наших членов и тех финансовых организаций, которые с нами взаимодействуют.

В вопросе, который провели, приняли участие около 150 представителей финансового рынка. Считать эту выборку репрезентативной теоретически можно, учитывая, что количество финансовых организаций у нас сейчас порядка 800, поэтому, наверное, где-то мы можем...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Давно уже 700. *(Оживление в зале.)*

А.Е. НАУМОВ

Даже уже поменьше.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Вы целиком посчитайте, по три в неделю.

А.Е. НАУМОВ

Еще раз хочу сказать, что, наверное, точную оценку могут провести только регуляторы, потому что они видят рынок целиком. И Росфинмониторинг, и Банк России, наверное, могут более точную оценку сделать. Но некоторые выводы, которые мы сделали по результатам даже нашего опроса, они укладываются в выводы, которые делали представители регуляторов.

Итак, задавали 12 вопросов. Вопросы касались технологических нюансов, связанных с выявлением ОПОК, в первую очередь трудоемкость; причины – почему у банка возникают проблемы выявления тех или иных видов, критериев обязательного контроля, частота выявления операций, то есть насколько часто появляются те или иные операции, то есть цель понять какие коды ОПОК вообще написаны только в законе, а реально в жизни они практически не выявляются.

Посмотрели попытку оценить трудозатраты с точки зрения соотношения суммы операций и расходов на ее выявление, а это согласитесь, коллеги, наверное, самая важная вещь, потому что понять, а стоит ли нам, как Николай Андреевич говорил, заниматься контролем, когда получается, что результат, который мы получаем, он может во много превосходить тот доход, который какая-то организация от этого результата получает. Очевидно, здесь возникают сложности.

Также попытались оценить какие коды обязательного контроля государственные регуляторы в состоянии в нынешней ситуации, потому что закон валотилен, все время меняется в состоянии в состоянии выявлять без участия финансового сектора, в первую очередь кредитных(?) организаций. Как Илья Владимирович сказал, что наверное имеет смысл перераспределить потоки с точки

зрения обязательности выявлений. И здесь как раз тоже постарались это как-то оценить. И дальше такая оценочная модель. Мы постарались понять насколько для банков целесообразно исключить какие-то коды обязательного контроля не потому, что они не хотят их выявлять, а потому что либо технологически их достаточно сложно выявлять для кредитных организаций; либо таких операций практически нет, но они также требуют каких-то затрат для поддержания самой системы.

И еще один момент тоже оценочный — постарались понять по каким критериям обязательного контроля возникает интерес у Росфинмониторинга. Опять же это очень оценочный критерий. Опять же судить о результатах вам.

Итак, то, что мы получили я сейчас попробую показать.

Что касается трудозатрат. Коллеги, единственный нюанс в том, что мне пришлось писать коды ОПОК. Надеюсь, что большинство из вас знакомы с этими кодами. Больше всего затрат у кредитных организаций возникли по сравнительно новому коду обязательного контроля — это код обязательного контроля, связанный с расходованием средств некоммерческих организаций. В первую очередь проблема возникает не из-за того, что банки не хотят эти операции выявлять, а возникают сложности с теми формулировками, о которых говорил Илья Владимирович. И здесь нужна небольшая корректировка, которая позволила бы убрать из-под контроля операции некоммерческих организаций, являющихся социальными: жилищные кооперативы, различные учебные заведения, садовые товарищества. То есть очевидно исключение этой массы компаний из-под контроля привело к определенной упорядоченности.

св

Потому что сейчас все-таки нужно говорить о том, что некоммерческих организаций в России достаточно много, и контролировать операцию свыше 100 тыс. рублей по каждой некоммерческой организации – это затратно с точки зрения объема. То есть у многих банков возникла ситуация, что объем обязательного контроля в разы вырос только из-за этого одного кода. Ну, это не очень, наверное, корректно. Второй код, который вызывает достаточно существенные проблемы, – это код, связанный с недвижимостью, потому что по недвижимости тоже, к сожалению, возникает ситуация, как Илья Владимирович говорил, что для выявления кода необходимые какие-то дополнительные затраты банка. И зачастую банк анализирует сделку, в которой участвуют лица, не являющиеся клиентами банка. То есть банку приходится получать какую-то информацию, которая для него достаточно сложна.

Значит, общие выводы, которые мы сделали по трудозатратам, они следующие. Расходования некоммерческих организаций... очевидно, нужно подкорректировать в законе формулировку, чтобы позволила уменьшить объем выбираемых операций по данному коду. По недвижимости задуматься по поводу того, что, может быть, стоит отчасти этот контроль переложить на другие субъекты законы, но убрать их у кредитных организаций, это очевидно. И по ряду операций, связанных с договорными операциями, – это беспроцентные займы, лизинговое имущество и драгоценные металлы – задуматься о том, нужно ли нам в таком количестве эти операции выявлять, потому что по некоторым критериям опять же очевидно, что кредитные организации не в состоянии сделать полные анализ. То есть необходима информация о сделке, которая опять же у банка не всегда есть, информация, например, о факте

передачи имущества, плюс еще накладываются проблемы технического характера, потому что банки не укладываются в существующие ныне сроки обязательного контроля именно по движимому имуществу, из-за чего возникают риски так называемых технологических штрафов. За формальное нарушение закона (банк не уложился в какой-то критерий по сроку передачи информации), очевидно, возникает проблема, связанная с административным кодексом.

Что касается причин трудозатрат. Ну, фактически они озвучены, по ряду кодов обязательного контроля сложно автоматизировать процессы выявления, то есть не направления в Росфинмониторинг, с направлением у всех все хорошо, а выявлять автоматизированность с недвижимостью очень тяжело. Более того, нынешние изменения в законодательстве привели к новой конструкции, когда банки фактически вынуждены затребовать сведения по сделкам с недвижимым имуществом у госоргана, а потом передавать их в другой госорган. То есть банк выполняет функцию почты, и на это тратятся деньги. Конечно, подобные вещи, наверное, нужно исключать из закона.

Что касается чистоты выявления операций. Вот здесь опять же некая статистика, которую мы собрали. По статистике, опять же получается, что договорные – обязательный контроль и операции, связанные с недвижимостью, – выявляются наиболее часто по кредитным организациям. Но опять же, несмотря на это, большой объем опять же код 9002, потому что все некоммерческие организации, жилищные кооперативы и образовательные учреждения постоянно попадают в обязательный контроль. То есть там, очевидно, никаких подозрений в отмывании денег у банка нет, а учитывая, что сумма таких операций опять же тоже крайне мала с

точки зрения объемов... Ну, просто у банков необоснованно растет объем обязательного контроля. А это опять же перекладывается на затраты банков, и это отражается на общей ситуации, потому что кредитные организации вынуждены тратить излишние средства на осуществление контроля.

Еще момент. Соотношение суммы операций расходов и суммы выявления обязательного контроля. Что здесь удалось установить? Ну, вот, наверное, самая парадоксальная ситуация по коду 8001. То есть если говорить о том, что в банке сама финансовая операция может быть достаточно незначительной по сравнению с суммой договора, для выявления этой суммы договора банк тратит гораздо больше ресурсов, чем он на этой операции зарабатывает. И вот здесь парадоксальная ситуация: у многих банков, которые у нас участвовали в вопросе, расход в зависимости от суммы операции составляет 20 процентов от того дохода, который банк на этой операции получает. Опять же это очень субъективный критерий, я могу говорить о том, что мы не можем за весь рынок отвечать, но тенденция такая прослеживается.

Еще момент, который хотелось бы зафиксировать, — это наличие нарушений за нарушения кодов обязательного контроля. Это как бы следствия тех проблем, которые я сейчас озвучил. Опять же получается, что большинство нарушений, по которым в банке получают какие-то административные взыскания, возникают по кодам, связанным с договорным обязательным контролем, по договорам. Там возникают проблемы, из-за того что либо у банка нет точной информации про обязательный контроль, либо банк не может своевременно определить момент возникновения обязательного контроля, потому что он связан не с финансовой

операцией, а с наличием договора, акта приема-передачи или какой-то дополнительной информацией, которой у банка просто нет.

Теперь промежуточные выводы в отношении технических нарушений.

МГ

Но опять же, здесь основные причины – необходимость запроса дополнительных документов у клиента, для того чтобы зафиксировать операцию под обязательный контроль; необходимость анализа информации по лицам, не являющимся клиентами финансовых организаций; неоднозначная позиция регуляторов по порядку выявления ряда кодов обязательного контроля, – также, к сожалению, эта ситуация приводит к нежелательным моментам для банков, когда один регулятор выпускает одни рекомендации, а, извините меня, у другого регулятора мнение другое. Понятно, что для банков главным является Банк России, но согласитесь, наличие двух мнений уже порождает определенные риски. Нужно стараться от этого уходить, и возможность уйти от этого вместо того чтобы решать, кто прав, может быть, чуть-чуть подправив закон, привести ситуацию к нормальному моменту, связанному с выявлением обязательного контроля.

Теперь что касается суммы операции. Значит, мы также пытались проанализировать, насколько адекватны суммовые критерии при выявлении кодов обязательного контроля. Опять же, смотрите, статистика показала, что большинство финансовых организаций показали, что несколько завышен суммовой порог по кодам, связанным с некоммерческими организациями. Никто не говорит о том, что мы должны тут же его поменять. Возможно, решением бы явилось, опять же, немножечко поправим критерий, и вот этот суммовой порог уже не покажется столь завышенным. В

настоящий момент он представляется не вполне соответствующим той опасности, которая возникает.

Что касается других кодов: бросаются в глаза еще коды операций, связанные с драгоценными металлами. Тоже, опять же, есть некое ощущение, что суммовой порог по данным операциям немножечко не вполне адекватен тем рискам, которые возникают по данным операциям. Также в блоке операций, связанных с обязательным контролем, по суммам вызывают вопрос операции, связанные с валютно-обменными операциями, потому что нынешнее изменение закона фактически вывело из-под режима упрощенной идентификации валютно-обменные операции. Хорошо это или плохо — сложно судить, но опять же, с точки зрения затрат, если мы посчитаем те доходы, которые банк получает на валютно-обменной операции, и те расходы, которые он должен тратить на выявление обязательного контроля, не вполне адекватны.

Какие можно сделать выводы с точки зрения суммы операций? По ряду критериев, не по всему обязательному контролю (никто вопрос так даже и не ставит) возможна некоторая корректировка суммовых порогов, что бы привело к несколько более адекватной ситуации, связанной с выявлением операций, подлежащих обязательному контролю, и снижению общих суммарных затрат банков и возможностей перераспределения этих расходов на более важные направления, те направления, из-за которых возникают повышенные риски — те же самые сомнительные операции, операции, в отношении которых возникают подозрения, требующие более четкого анализа кредитные организации и более взвешенного решения о необходимости направления операции как составляющие какие-то подозрения в отмывании денег. Опять же, напомню, обязательный контроль, никаких подозрений в отмывании денег не

возникает. То есть если они есть, то закон требует направить операцию уже как подозрительную и, соответственно, принять все необходимые меры для ее детального изучения.

Что касается кодов, которые, по мнению, опять же, здесь подчеркну, тех, кто участвовал в опросе, госорганы в состоянии выбирать сами. Ну, я уже повторялся, наверное, скажу еще раз: это сделки с недвижимым имуществом, это ряд операций, связанных с другими секторами экономики, которые делают, скажем, компании, торгующие драгоценными металлами, или компании, которые занимаются профессиональной деятельностью на рынке ценных бумаг, то есть можно было упростить ряд критериев для кредитных организаций, но, например, более ужесточить и для ряда финансового сектора, который не входит в понятие "кредитная организация". Например, по страховому рынку можно было заложить более жесткую обязанность, связанную с выявлением операций, связанных со страховкой, вместо того чтобы требовать от банка выяснять, какого рода страховка и необходимость ее выявления. Ну, банк – это не страховая компания.

И какие промежуточные выводы с точки зрения самого закона можно сказать, предложения, какие коды банки бы исключили из обязательного контроля? По анализу, который мы проводили, получается, что ряд кодов либо вообще не используются, либо количество операций по ним крайне мало. Возможно, здесь их стоит перевести в разряд операций, требующих повышенного внимания и принятия более взвешенного решения о необходимости их направления в Росфинмониторинг, чем закладывать их в автоматические процедуры, что опять же потребует... хотим мы или нет, затраты все равно банк несет.

ст

Даже на те коды, по которым операции не выявляются, они требуют автоматизации, они требуют вынесения определенных решений, они требуют анализа. А если операции не попадают в контроль, зачем вообще на это тратить деньги.

И что касается модернизации. Ряд кодов обязательного контроля мы предлагаем не исключить, а вот опять же, можете посмотреть, как расходы, связанные с некоммерческими организациями, предлагается модернизировать таким образом, чтобы снизить накал, связанный с затратами кредитных организаций и с рисками, которые мы получаем по выявлению этих операций. С другой стороны не ухудшить систему ПОД/ФТ Российской Федерации, не ухудшить нынешний уровень контроля, таким образом, операции по НКО останутся наиболее важными с точки зрения их выявления в рамках кодов ОПОК.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Александр Евгеньевич, покороче надо...

А.Е. НАУМОВ

Да. Я сворачиваюсь. У меня осталось совсем два слайда. Какие операции не вызывают интерес у Росфинмониторинга, как говорится, дальше я не буду это комментировать, наверное, стоит на эту тему подумать уже в другой раз.

И что касается адекватности мер надзорного регулирования. Также мы не могли этот вопрос не задать. Но вот вы видите картину, которая отражает мнение банковского сообщества. Больше двух третей кредитных организаций считают нынешнюю систему надзора, которая, извините меня, штрафует порой не за то, что является отмыванием денег, а за то, что как Николай Андреевич сказал, "с запятыми". Эта ситуация очевидно сказывается на общем подходе к

контролю не очень хорошо, поэтому, конечно, нужно подумать, может быть и здесь тоже какие-то изменения нужны.

Итак, общие выводы следующие. По результатам опроса предлагается по ряду кодов обязательного контроля в виду значительных трудозатрат пересмотреть критерии выявления. Критерии ОПОК, по которым наблюдается низкий интерес со стороны Росфинмониторинга, может быть, целесообразно вообще исключить из-под контроля, переведя их в разряд операций, требующих повышенного внимания, вместо обязательности сообщений в Росфинмониторинг. По каким-то кодам обязательного контроля повысить пороговое значение сумм. Но вот просматривается ряд кодов, по которым такое повышение могло бы быть значительным — например, операции, связанные с наличными, учитывая нынешний уровень инфляции, наверное, нужно пересмотреть.

А также необходимо пересмотреть принципы применения административной ответственности и существенное сокращение кодов обязательного контроля нетехнологичных или сложно выявляемых, требующих серьезных затрат и сокращение которых не ухудшит общую систему внутреннего контроля по ПОД/ФТ в пользу усиления контроля за подозрительными и сомнительными операциями, что позволит банку, как это устанавливает Росфинмониторинг, в рамках риска ориентированного подхода перераспределить свои, извините за выражение, скудные ресурсы на то, чтобы обеспечить адекватную защиту Российской Федерации и финансовой системы от проникновения в нее преступных капиталов и финансирования терроризма.

Коллеги, спасибо большое за внимание. Более детальный отчет, вы сможете с ним ознакомиться.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Александр Евгеньевич.

Я хотел бы попросить Павла Валерьевича прокомментировать предложения.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Спасибо, Александр Евгеньевич.

Предложения, которые здесь прозвучали, и сам анализ очень ценен. Я заранее с ним ознакомился с большим интересом. Но коллеги уважаемые, мне кажется, что мы немножко по-разному понимаем с вами сущность института обязательного контроля. Вы тут в автоматизацию слишком глубоко погрузились. Уважаемые коллеги, обязательный контроль – это же операции высокого уровня риска. Вы абсолютно не отслеживаете деятельность клиента, который часто совершает операции, подлежащие обязательному контролю. Вы просто все в Росфинмониторинг сбрасываете. Да, действительно, Росфинмониторинг совместно с правоохранительными органами может действительно самостоятельно выявлять эти операции, может и роль банка в проведении этих операций также оценивать. Результаты мы видим еженедельно в рамках отзыва как минимум трех лицензий. Если вы будете считать, что обязательный контроль, не Вы, Александр Евгеньевич, а коллеги из кредитных организаций – это институт, который подразумевает просто сбрасывание автоматическое в Росфинмониторинг информации без того, чтобы поинтересоваться этим клиентом, ведь для этого и есть меры надлежащей проверки клиента, и частые совершения им соответствующих операций – это как раз вопрос к установлению соответствующего уровня риска, то я думаю, что может быть, вот этот процесс, он будет продолжаться и дальше, о котором я сказал.

Поэтому я бы, честно говоря, высказал разочарование итогами опроса. Кредитные организации не понимают, зачем обязательный контроль нужен.

Павел Валерьевич, речь шла совсем не об этом. Речь шла об автоматизации выявления...

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Я сказал то, что услышал.

аа

Речь шла об автоматизации передачи.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Нет, Александр Евгеньевич говорил об автоматизации выявления операций, то есть чтобы банку было возможно ее автоматически выловить из потока, не то что потом...

Хорошо, сейчас в ходе дискуссии мы и поймем, может быть, я не прав, я же не возражаю. Может быть, банки именно, как надо и понимают этот институт.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Мы это говорили именно так.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Хорошо, спасибо.

Павел Валерьевич, сложный вопрос. Все сообщаешь – плохо, не все сообщаешь – плохо.

Коллеги, я хотел бы... Алина Владимировна, у Вас есть, что прокомментировать, добавить?

А.В. ВЕТРОВА

Я буквально в двух словах. Просто хотела выразить благодарность коллегам за большую работу, проведенную с ФСФР. Мы тоже часто получаем от кредитных организаций жалобы на тему того, что очень большое количество средств, к сожалению, уходит на процедуры финансового мониторинга, и все больше и больше затрат на это идет. Хотелось бы только два момента. Поэтому мы поддерживаем инициативы и законодательные. Не уверены насчет дифференциации по видам финансовых организаций, все-таки нужно разговаривать и с коллегами из других финансовых организаций, я имею в виду по сумме. Но в целом мы поддерживаем эти идеи.

Хотелось бы три момента обозначить, что те затраты на автоматизацию, которую себе могут позволить крупнейшие игроки, для средних банков очень часто становятся вообще непосильными и они как раз находятся где-то в середине между возможностью увидеть своего клиента, который есть у небольших банков, более детально, и степенью автоматизации, которую могут предложить крупнейшие игроки. Поэтому для этого сегмента, конечно, действительно эти затраты достаточно велики.

И у нас в ассоциации проходила недавно встреча как раз по вопросам ПОД/ФТ. И там ставились во внимание два момента – это то, что кредитные организации готовы внимательно отслеживать всех юридических лиц и их операции, которые являются подозрительными, однако не всегда имеют для этого возможности. Поэтому очень важно то, о чем там говорилось, – возможность получения доступа к базам ФНС, и, соответственно, не только с согласия юридического лица, не только к содержащейся налоговой информации, но и к информации о пометках в части

подозрительности того или иного юридического лица, которые делает ФНС.

И второй момент – это то, о чем давно уже говорилось, это формирование на базе Банка России или Росфинмониторинга единой базы клиентов – юридических лиц с характеристиками, которым было уже отказано в открытии счетов или по которым есть большой объем информации у подозрительных операций. Вот эти два момента могли бы существенным образом как улучшить работу по выявлению этой клиентской базы, особенно среди средних банков и небольших кредитных организаций, так и могли бы в большой степени прекратить переток этих клиентов на обслуживание к крупным игрокам, на что, в общем, часто жалуются небольшие банки, узнавая о том, что их клиенты переходят на обслуживание к крупнейшим игрокам.

В-третьих, снизить издержки самих же кредитных организаций по выявлению таких клиентов и, соответственно, неоткрытию им счетов или запрет по проведению операции.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Вторая тема, мне кажется, очень важная.

И Павел Валерьевич чем-то хочет обрадовать банкиров, да?

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Постараюсь смягчить то, что было сказано мною чуть раньше.

Что касается второй темы, существует законопроект совместный Банка России и Росфинмониторинга, поддержанный Минфином России, который предусматривает передачу Росфинмониторингом Банку России информации, полученной от кредитных организаций и других организаций, подконтрольных Банку России, о клиентах, в обслуживании которым было отказано, имея в виду, что Банк России, опираясь на собственные акты, будет

эту информацию доводить до кредитных организаций, которые в свою очередь будут использовать ее при определении степени и уровня риска клиента, а также при принятии решений, предусмотренных пунктом 5.3 статьи 7 закона № 115, то есть как по отказу в заключении договоров, так и по расторжению действующих. Единственное, чего мы хотим избежать, это наше совокупное мнение (Минфина, Росфинмониторинга, Банка России), чтобы эти клиенты превращались в финансовых изгоев.

ТМ

Потому что на практике, не секрет ни для кого, ни для регуляторов, ни для банков, что имеют место со стороны финансовых организаций определенные злоупотребления этим правом, в том числе и коррупционного плана. И вот, я думаю, что это должно быть предметом пристального рассмотрения как банков, так и ассоциаций.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Павел Валерьевич, а что с этим законопроектом? Вот вы его подготовили. Когда его внесут? Кроме того, что ни Банк России, ни Росфинмониторинг субъектом законодательной инициативы не является, то есть надо, наверное, Правительство просить.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Я думаю, что он будет внесен в порядке, предусмотренным Регламентом Правительства, в качестве правительственной поправки в один из законопроектов, который сейчас по антиотмывочной линии находится на рассмотрении в Государственной Думе.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Отлично. Есть шансы, что в эту сессию он будет?

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Но это зависит от слаженности работы Росфинмониторнга, Минфина, Банка России и способности убедить Правительство Российской Федерации.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Давайте тогда мы тоже к вам присоединимся, и будем убеждать Правительство Российской Федерации. Министерство финансов у нас сегодня присутствует. Соответственно, просьба это максимально быстро утвердить на площадке Правительства, а мы уже поддержим и в Госдуме, и, естественно, в Совете Федерации.

Коллеги, у нас с вами четыре... Что простите?

С МЕСТА

А вы ФНС ничем не обрадуете?

П.В. ЛИВАДНЫЙ

А по ФНС вопрос к ФНС, но ведь ресурс-то однодневок доступен.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

У нас с вами, коллеги, записалось четыре банкира на выступления. Все банки крупные, поэтому просьба, наверное, проблематика у всех схожая, поэтому просьба добавлять друг друга, не повторяться, по пять минут.

Я хотел бы попросить взять слово Игоря Витальевича Венгерова, ВТБ24. Что простите? Еще лучше.

Лариса Александровна Заломихина, Сбербанк.

Л.А. ЗАЛОМИХИНА

Добрый день, коллеги! Действительно, для того чтобы не повторяться, я хочу сказать, что... *(Шум в зале.)*

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Валерий Игоревич(?), Вы меня ввели в заблуждение. Прошу прощения. Девушке уступим? Ларисе Александровне уступим пока она начала? А потом я Вам...

Я прошу прощения, Николай Андреевич. Я готов даже вместо пяти, две минуты сказать.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

А я прошу прощения за то, что я сказал "ну, и хорошо".

И.В. ВЕНГЕРОВ

Я тоже готов сказать буквально две минуты, потому что вы знаете, очень легко выступить после всего сказанного, потому что, в общем-то, все основные проблемы, которые мы, люди, работающие в банках по тематике *...(неразборчиво)*, ощущаем на себе очень плотно, они сегодня уже были высказаны.

Действительно, на наш взгляд, кое-какие изменения в процедурах обязательного контроля нужно вносить. При этом мы абсолютно согласны с тем, что сам институт обязательного контроля никуда не денется, он развивается. Но согласитесь, он развивается сейчас немножко в другую сторону, чем тогда, когда в 2001 года 7 августа закон был принят. Сейчас это немножко другой институт обязательного контроля. И мы все прекрасно понимаем важность, необходимость контроля за бюджетами, за государственными расходами, за контролем над государственными стратегическими предприятиями и, безусловно, понимая все политические моменты и экономические последствия контроля за некоммерческими предприятиями, вот за теми новыми видами обязательного контроля, которые мы получили за последние два года. При этом мы сохраняем сейчас тот навес, если, вы извините, можно так

выразиться, операций, подлежащих, и сделок главное, подлежащих обязательному контролю, которые мы имели исторически.

Я хочу сказать, что это не простые понятия "трудозатраты" и "ресурсы", которые кредитная организация тратит на это. Особенно я, поскольку человек, работающий в государственном банке, хочу сказать, что фактически вот эти расходы – это расходы практически государственные. Вот эти сказки про жирных котов банков, которые имели многомиллиардные прибыли, сейчас пропали. И поэтому все расходы, которые мы несем, исполняя весь этот функционал по обязательному контролю, по контролю и выявлению за подозрительными операциями, несет фактически наш клиент. Потому что деньги, которые мы должны потратить на эти процедуры, – это деньги, которые нам будет платить клиент в качестве комиссии. То есть это мы с вами, это наши родственники, это простые люди, которые обслуживаются в ВТБ24, в Сбербанке и так далее. Это именно они платят эти деньги. И об этом не нужно забывать, когда мы размышляем о том, в каких объемах нужно сохранять обязательный контроль, или в каких объемах нужно его видоизменять. А некоторые меры, безусловно, мне кажется, актуальны.

ек

Я не хочу повторять то, что здесь убедительно уже говорилось, и абсолютно справедливо говорили выступавшие передо мной представители государственных органов. Ну, вот маленький пример. Код 9002 – это обязательный контроль за расходами некоммерческих организаций, те же самые садовые товарищества, которых в нашем банке "ВТБ-24" несколько тысяч штук. И поскольку это носит сезонный характер, мы просто знаем прекрасно, что, начиная с мая, у нас в разы вырастет репортинг по операции по

коду 9002 – списание средств со счетов некоммерческих организаций, когда все садоводы выезжают на грядки и начинают платить деньги за вывоз мусора. Конечно, это может быть очень важная информация, и я здесь не хочу влезать в компетенцию коллег из государственных органов, Росфинмониторинга, но надо понимать, что на это тратятся деньги, и на это тратятся деньги наших клиентов.

Вот тот тезис, что это все давно автоматизировано и как бы давайте забудем об этом. Ничего подобного, к сожалению, потому что наши системы, наши автоматизированные системы, наши поисковые системы постоянно модернизируются, в модернизацию вкладываются деньги. И, понимаете, мы должны модернизировать и вкладывать деньги не только в выявление этих новых видов обязательного контроля, но и поддерживать должный уровень выявления операций, подлежащих обязательному контролю, – те, которые мы имели раньше. А это тоже деньги. И вот здесь вопрос возникает: насколько правильно мы тратим эти деньги? Может быть, стоит эти деньги поберечь? Я говорю сейчас о серьезных банках, которые много времени уделяют именно теме ПОД/ФТ, и очень серьезно сейчас занимаются выявлением подозрительных операций в рамках рискоориентированного подхода, соблюдая и ограничивая собственные рефракционные риски, когда мы очень много внимания должны и под руководством Центрального банка, который очень большую методическую помощь здесь оказывает, и вообще поддержку при выявлении подозрительных операций...

Я с Павлом Валерьевичем согласен совершенно, и с Ильей Владимировичем, что тренд движется в ту сторону именно, и это правильно, так и нужно делать, мы должны снижать собственные риски и именно туда вкладывать максимальное количество денег.

По поводу прозвучавших сейчас нескольких замечаний о том, что мы скидываем все, что ни попадя, не подумав о том, что это такое. Это не совсем так, если честно. Я как практикующий специалист в этой области могу сказать, что у нас примерно 30 процентов (я не думаю, что выдаю какую-то военную тайну) операций или правильнее говорить сообщений, направляемых в уполномоченный орган по обязательному контролю, идут с сопроводительный кодом "Сомнительная операция". То есть мы очень хорошо задумываемся и видим, что это такое, когда, допустим, (специалисты понимают, о чем я говорю), клиентом, которому не исполнилось три месяца с даты государственной регистрации, совершается сомнительная операция. И тогда мы направляем операцию с двумя кодами, как минимум, а на самом деле и с тремя, потому что сомнительная операция сопровождается еще одним дополнительным кодом. Это очень важные вещи, и об этом не нужно забывать.

И поэтому, поскольку временной ресурс я, видимо, тоже давно исчерпал, я бы хотел призвать уважаемых коллег к тому, что давайте сократим время этих изменений? Потому что мы тему каких-то изменений в обязательный контроль ведем уже года полтора, а ситуация все усложняется, потому что мы получаем новые виды обязательного контроля.

К сожалению, мы потеряли тот уровень доходности кредитных организаций, которые мы имели еще какое-то время тому назад. Насколько это ситуация длительная? Для меня (немакроэкономиста) вопрос сложный. Тем не менее мы видим, что денежки надо беречь. Поэтому мой призыв, учитывая ситуацию, учитывая согласие практически, которое я услышал сегодня от практически всех, кто по

этому поводу говорил, давайте ускорим этот вопрос, давайте, наконец, какие-то изменения все-таки внесем. Спасибо за внимание.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Игорь Витальевич. Хорошее предложение.

Я бы хотел Ларисе Александровне Заломихиной предоставить слово, Сберегательный банк.

Л.А. ЗАЛОМИХИНА

Коллеги, я хочу сказать, что мы не успеваем. И та ситуация, которую мы наблюдаем, заставляет нас двигаться действительно очень и очень быстро. Сегодня много слов было сказано в отношении выявления операций обязательного контроля. Кто-то говорил о том, что необходимо осознанно подходить к выявлению сомнительных операций.

вб

Но мы в своей работе все больше и больше склоняемся к тому, что львиная доля наших усилий должна быть посвящена тому, чтобы предотвращать появление недобросовестных клиентов в банке и пресекать совершение ими операций.

В этой связи, собственно, идеальной моделью, которую мы для себя приняли, является распределение ресурсов примерно одна треть к одной третьей и одной третьей. Для того чтобы добиться такого рода результатов, мы создали единое подразделение под названием "Центр "Комплаенс" в Петербурге, которое занимается как выявлением операций обязательного контроля, так и сомнительных операций. И в то же время в наших филиалах по всей стране мы оставили подразделения "Комплаенс", которые нацелены как раз на онлайн-контроль.

Не секрет для тех банкиров, которые здесь присутствуют, что клиенты, которые нацелены на "серые" схемы, на проведение

операций, на вовлечение банков в эти операции, сейчас действуют умно. Очень часто операции совершаются один раз, и на следующий день уже бессмысленно эту компанию выявлять. Вернее, смысл, конечно же, есть: мы должны проинформировать уполномоченные органы об этом клиенте и связанных с ним лицах. Но тем не менее поезд ушел, наша работа превращается все больше и больше в сбор статистических сведений. И когда мы видим, что объемы отчитываемых операций становятся просто заоблачными (а сейчас количество сомнительных операций, которые отчитывает Сбербанк, в два раза превышает количество тех операций, которые мы отчитываем по обязательному контролю), мы понимаем, что это совсем не предел. Мы должны учиться видеть больше, реагировать более оперативно.

Но, повторяю, нам необходимо больше усилий и больше ресурсов лоцировать на предотвращение, на то, чтобы банк не был вовлечен в такие операции. Поэтому со своей стороны, со стороны Сбербанка, конечно же, мы поддерживаем те идеи, которые совместно обсуждались с коллегами, и, безусловно, понимая важность всего института обязательного контроля, все-таки надеемся на то, что мы сможем высвободить дополнительные ресурсы для того, чтобы предотвращать, а не просто заниматься сбором статистики.

И в дополнение скажу, что для нас также важно продвижение идеи с дистанционным открытием счета, поскольку любые инновационные предложения и любые вещи, которые способствуют более квалифицированной, быстрой и оперативной работе с нашими клиентами, позволят снижать издержки, улучшать качество этой работы и, собственно, больше усилий опять-таки направлять на наиболее "горячие" участки. Спасибо большое.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо большое, Лариса Александровна.

Николаева Наталья Юрьевна, "Ситибанк".

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Спасибо большое. Если можно, с места.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Конечно.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Я хотела бы, наверное, обратить внимание... Я не буду повторять, наверное, то, что уже было сказано. Единственное, что хотела бы более детально, может быть, поговорить о примерах возникающих на практике сложностей, например, при обязательном контроле операций с недвижимостью.

С моей точки зрения, эти операции вполне возможно контролировать Росреестру, раз они получают основную информацию по этим сделкам, а не нам, как опосредованному участнику в этих сделках, потому что мы видим только, по сути дела, операции, но не имеем полноты информации при осуществлении операций. То есть мы обязаны, по сути дела, получить от клиента договор, который свидетельствует о переходе прав собственности. Потом мы его должны передать в подразделение, которое у нас его проанализирует, посмотрит, четко его обработает и, соответственно, на его основе сформулирует и направит отчет, который по сути своей требует заполнения 300 полей.

Это кому-нибудь действительно нужно? Вопрос такой возникает.

П.В. ЛИВАДНЫЙ

Можно по поводу нужности? А когда клиент в Москве покупает квартиру за миллион рублей, с банковского счета

перечисляет — про это не надо информировать уполномоченные органы? Ведь она не стоит столько.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Это уже другой вопрос. Это вопрос к налоговой инспекции в том числе. Но почему возлагается обязанность на банк, а не на Росреестр, который данную сделку регистрирует ведь, правильно? Он же эту сделку регистрирует.

Наталья Юрьевна, я просто хотел добавить.

Павел Валерьевич, помимо банков, которые информируют Росфинмониторинг, еще субъектом 115-го закона являются организации, оказывающие посреднические услуги по продаже недвижимости. У нас сейчас больше 90 процентов сделок через такие организации.

ст

Не далее как сегодня привлек к административной ответственности такую организацию.

П.В. ЛИВАДНЫЙ(?)

Зачем задвоенность, затроенность информации?

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Павел Валерьевич, с нашей точки зрения да, мы делаем, с моей точки зрения, лишнюю работу, которая у нас занимает очень много времени. И не дай бог мы не отрепортировали(?) это вовремя, то есть мы не получили вовремя договор, мы получаем штраф. За что мы получаем штраф? За то, что мы хорошо выполнили свою работу и в конечном итоге мы информацию получили от клиента, которую мы вынуждены запрашивать неоднократно и не всегда мы получаем информацию вовремя.

Еще хотелось бы, наверное, отметить о том, что вы упомянули, о том, что осуществлять идентификацию и контроль по западным образцам взамен обязательного контроля. То есть такой был тезис сказан. Ситибанк, это как вы знаете, часть международной корпорации. Мы выполняем эти требования, то есть мы идентифицируем и контролируем наших клиентов очень тщательно, и все равно когда мы открываем счета физическим лицам, мы имеем все равно достаточно случаев, когда наши клиенты этим занимаются. Мы стараемся этого избежать. Но здесь получается такой момент, что мы идентифицируем и контролируем на начальном этапе открытие счетов, тратим на это достаточно большое количество времени и денег, и потом мы еще плюс контролируем обязательные операции, которые с моей точки зрения действительно, как уже говорили коллеги, наверное, стоит пересмотреть перечень и более внимательно обратить внимание именно на те операции, которые действительно требуют обязательного контроля и которые действительно как можно чаще встречаются.

Автоматизация, и еще было упомянуто, не все операции возможно выловить чисто автоматическим путем. Это можно настраивать системы опять же, так как меняются критерии, каждый раз настраивать систему достаточно долго занимает времени, то есть пока мы ее не настраиваем, соответственно все, что мы должны делать, мы, по сути дела, делаем в ручном режиме. Это опять же занимает достаточно большое количество ресурсов и оттягивает эти ресурсы от контроля, по сути дела, за подозрительными и сомнительными операциями, которые в этот момент у нас выпадают.

И то, что говорил Николай Андреевич, я абсолютно поддерживаю момент, то, что происходит сейчас с согласованием правил. Это вообще, честно скажу, такая грустная очень сага, потому

что я могу сказать, что мы переписываемся с Центральным банком, наверное, на эту тему где-то в течение полугода. Каждый раз правила, которые мы отправляем, мы получаем обратно с какими-то дополнительными комментариями, потому что каждый раз эти правила рассматривает другой человек. То есть нет единого подхода в комментариях, которые дают по поводу правил, которые мы направляем.

И опять же здесь еще такой очень существенный момент. Не в письменной форме, а в устной форме нам дают комментарии, что вы знаете, у такой организации, как ваша, правила не могут быть на 200 страницах, они должны быть на 700 страницах.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

С двух сторон.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Понимаете, мне кажется, здесь комментарий такой, он, скажем так, с моей точки зрения, мне кажется, что важна та работа, которую мы все-таки делаем, а не на скольких страницах наши правила написаны для того, чтобы все-таки посмотреть на фактическую структуру данного документа и то, что в нем отражено, а не на количество страниц, на которых это написано. Хорошо, давайте мы растянем...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Это, конечно, правильно. У обнальщиков правила всегда четко написаны, а у нормальных банков...

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Давайте мы растянем шрифт.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Надо нам все-таки по сути.

РЕПЛИКА

... (*Говорит не в микрофон*)... есть у сотрудников Банка России, которые уже в 200 у вас ...(*не слышно*).

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Нет, я вам не скажу этого, к сожалению. Но, к сожалению, такая информация к нам поступает...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Наталья Юрьевна, Илья Владимирович, я просто хотел еще раз повторить то, что я сказал.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Это большая проблема.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Проблема-то иногда не в том, что называется, в законодателе, не в департаменте, а иногда на местах регионы, главки, теруправления, они просто творят то, о чем Наталья Юрьевна говорила.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

И просто-напросто на самом деле они заставляют нас переписывать статьи законов в наши правила. Зачем нам переписывать статьи закона, если они и так ясны? Мы прописываем в наших правилах то, что мы делаем для того, чтобы соответствовать исполнению закона.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Как процессы устроены.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Как процессы устроены, да.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

И Центральный банк должен их оценивать: правильно они устроили согласно закону или нормативному документу.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

И, наверное, последний момент, который я хотела бы отметить — это штрафы. Проблема в штрафах заключается именно в том, что даже когда банк самостоятельно выявил операции, которые он не отрепортировал вовремя путем последующего контроля и сам их честно доложил Центральному банку — все равно банк штрафуются, несмотря на то, что это не было выявлено Центральным банком — это было выявлено самим банком.

МГ

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

То есть Вы предлагаете штраф напололам?

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Нет, я предлагаю все-таки быть в этом вопросе более... Совершенно точно, деятельное раскаяние, мне кажется, тут все-таки должно приниматься во внимание. Если банк сознательно докладывает о том, что, вы знаете, мы пропустили это, но мы сделали последующий контроль (что, собственно говоря, мы делаем периодически) и мы эти операции вам доложили — примите это, пожалуйста, во внимание и не штрафуйте банк за такие нарушения. При том, что в этот момент проверки никакой не проводится Центральным банком, это понятно, чтобы это не использовалось при проведении проверок, когда банк начинают вдруг проверять и он вдруг начинает сам самостоятельно в диком количестве отправлять сообщения. То есть здесь такое предложение для того, чтобы все-таки был действительно к этому моменту профессиональный подход, а не огульные штрафы, которые накладываются на кредитную организацию за то, что она сама на себя, по сути дела, донесла.

И.В. ВЕНГЕРОВ

Можно одну маленькую реплику? Я хочу вмешаться в эту дискуссию по поводу КоАП, потому что, на мой взгляд, абсолютно несправедливая система, она стала несправедливее еще больше сейчас, потому что банк фактически штрафуются только за отсутствие ответственного сотрудника и отсутствие правил. Таких ненормальных, наверное, сейчас очень сложно найти.

РЕПЛИКА

Игорь Витальевич, а КоАП тут при чем?

И.В. ВЕНГЕРОВ

А я сейчас скажу, при чем здесь КоАП. А КоАП у нас остался в отношении должностных лиц, которые совершают ошибки, которые заполняют 252 реквизита, ставят вручную одну неправильную цифру из нескольких сотен цифр и за это получают штраф 10 тыс. рублей, а у них зарплата 30 тысяч. Это справедливо? Я абсолютно считаю, что несправедливо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

А случаев много таких?

И.В. ВЕНГЕРОВ

Много.

С МЕСТА

Нам казалось, что мы таким образом выстроили действующую конструкцию статьи 1527, что технический персонал под нее в принципе вообще не должен попадать.

И.В. ВЕНГЕРОВ

Частные лица попадают, а должностные лица — это все, мы прекрасно это знаем, Банк России нам это давно объяснил, что все сотрудники банка являются в этом отношении должностными лицами. И поэтому именно они, именно люди, которые набивают вручную эти тысячи сообщений, они и страдают. Абсолютно ничего

справедливого здесь нет, и главное, абсолютно бессмысленна, на мой взгляд, сама мера наказания. Кого мы наказываем и за что? За то, что человек руками не на ту клавишу нажал?

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Нет, ну а как сделать, чтобы он все-таки на ту клавишу нажимал?

И.В. ВЕНГЕРОВ

Отменить возможность набивания вручную сообщений, например, сделки с недвижимостью. Они все идут вручную, а мы уже об этом говорили, что это делать не нужно.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Хорошо, но по поводу недвижимости на самом деле есть как бы тема, и Андрей Викторович, и Наталья Юрьевна говорили, что все-таки, может, действительно подумать по поводу Росреестра?

Илья Владимирович, Ваше какое мнение?

И.В. ЯСИНСКИЙ

Это самое очевидное...

А.В. ЗОРИН(?)

Можно я?

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Да, давайте.

А.В. ЗОРИН(?)

Плавно переходим. Последнему всегда очень сложно выступать, потому что все уже всё сказали, я полностью присоединяюсь, но добавить хотел следующее. Это наиболее очевидный момент, который мы в законодательном плане можем изменить в самое ближайшее время, на наш взгляд. Здесь мы не видим никаких абсолютно рисков для надзорных органов – мы видим очевидное снижение издержек для кредитных организаций и

одни плюсы. И надо с чего-то начать – почему бы не начать с такого очевидного и простого момента? Это первое.

А.В. ЕМЕЛИН

Прошу прощения, Андрей Викторович(?), можно просто присоединиться? Поскольку у нас сейчас будет готовиться пакет по перечню организаций, в отношении которых применены меры по приостановлению, все равно будет вноситься поправка? Может быть, тогда мы тот материал, который заранее уже подготовлен, собственно, по недвижимости, просто к этому же пакету и присоединим?

А.В.ЗОРИН(?)

Я сразу прокомментирую, пока мы ко второму не перешли, Андрей Викторович. В принципе Росфинмониторинг не был жестким сторонником того, чтобы не провести эту дифференциацию, и здесь наша позиция в целом с Банком России скоррелирована. Мы не возражаем против того, чтобы кредитные организации сообщали информацию о расчетных операциях, а организации иные сообщали информацию о сути сделки. Вот единственно что тогда кредитные организации должны быть готовы к повышению количества запросов Росфинмониторинга, которые будут порождаться теми сообщениями, которые будут направлять нам некредитные организации для того, чтобы провести связь с расчетами, которые осуществляются по банковским счетам, и той фактуре, которую нам дадут организации небанковского сектора. Если такое понимание у нас есть, то мы движемся в этом направлении, почему бы и нет.

аб

А.В. ЕМЕЛИН

Спасибо большое. Наверное, стоит подумать об этом и согласиться на Ваше предложение, и, наверное, некое увеличение количества запросов, оно вполне понятно, обосновано, но в части запросов и вообще контактов банков с надзорными органами – второе, о чем сегодня здесь не говорилось, и о чем мне хотелось бы сказать, что вообще на банки помимо всех функций, которые они осуществляют в рамках закона № 115 и нормативных актов, изданных в развитие этого закона, еще одна такая достаточно существенная повинность возложена. Они практически на постоянной основе оправдываются перед надзорным органом, что они не нарушают срок предоставления информации по сделке.

Это такая систематическая работа, которая требует специальных людей, достаточно затратная. Как это происходит: Банк России, надзорный орган, регулярно с 1000 в квартал, вот по крупным банкам насколько я знаю, запрашивает, видя, что в отчете о сделке дата совершения сделки и дата направления информации существенно различаются, значит, автоматический запрос. Банк практически такой шаблонный автоматический ответ готовит, что это сделка клиентская, что банк только расчеты по этой сделке осуществляет, что документы были запрошены у клиента, информация о сделке направлена в надзорный орган не позднее дня, следующего за днем получения клиентом всех документов.

Такая процедура, еще раз повторю, она тысячекратно повторяется, и помимо того, что банк эту информацию в надзорный орган направляет, банк еще что делает: он прикладывает на каждую сделку договоры, платежные документы, выписки по счетам, информацию о клиентах, то есть кучу-кучу разных якобы подтверждающих документов, не якобы, а действительно подтверждающих, но насколько необходимы они для надзорного

органа – это большой вопрос. И я бы попросил еще раз Банк России проанализировать необходимость такого большого количества запросов, и, может быть, совместно с кредитными организациями как-то более попытаться пересмотреть это взаимодействие с целью и снижения издержек, и повышения эффективности, потому что с нашей точки зрения, это не очень эффективное взаимодействие. Спасибо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Андрей Викторович.

Павел Валерьевич имел возможность практически по каждому пункту прокомментировать.

Илья Владимирович, у Вас есть желание и есть, что сказать банкирам на то, что они сейчас нам поведали?

И.В. ЯСИНСКИЙ

Да, Николай Андреевич, конечно, те вопросы, которые мои коллеги поднимают, они являются актуальными, требующими реакции и со стороны Банка России, и со стороны Росфинмониторинга, причем, когда речь идет о регуляторах, понятно, что эта реакция должна быть совместной и скоординированной, тем более, что коллеги неоднократно отмечали, что есть некоторые вопросы, по которым позиция Росфинмониторинга и Банка России не совпадают. Где-то это неплохо, в том смысле, что есть дискуссия, и это несовпадение, оно позволяет двигаться вперед в поисках компромисса, где-то это действительно плохо и негативно отражается на финансовых институтах, без сомнения.

Сейчас уже нет смысла ретроспективно возвращаться, тем более, что я так понимаю, немного времени осталось, к ряду

принципиальных позиций, тем более, что Павел Валерьевич, на мой взгляд, вполне корректно их прокомментировал.

Если мы говорим о последней проблеме, то в моем все-таки понимании все несколько глубже, нежели это может показаться на первый взгляд, и так информация, о которой вы говорите, – это не информация Банка России, это информация финансовой разведки. То, о чем говорите Вы, мы этой информацией даже не обладаем, потому что, как вы знаете, Банк России не является тем субъектом, который получает соответствующую информацию, мы в качестве транзитного звена выступаем. Поэтому мы даже, пропуская через свою информационно-технологическую сеть громадный поток сообщений по ОПОКах и сомнительным операциям, мы не знаем на этот момент, соблюдаете вы сроки, установленные в законе, либо нет. И в этом смысле последнее слово за коллегами из Росфинмониторинга, именно они имеют возможность программными продуктами определить: соблюден трехдневный срок, либо нет.

аб

И как вы понимаете, мы с финансовой разведкой работаем во взаимодействии. И тот пример, который Вы привели, это как раз результат этого взаимодействия, то есть финансовая разведка информирует нас о том, как кредитные организации исполняют требования закона, и в данном случае по такому, может быть, не самому главному, но, по крайней мере, самому формализованному понятию, а именно по срокам представления сведений в финансовую разведку. И то, о чем вы говорите, это действительно актуально с точки зрения тех операций, сообщения о которых действительно очень сложно автоматизировать. И я, кстати говоря, на этом делал особый акцент, это в основном так называемые

сделочные ОПОКи, в первую очередь, сделки с недвижимостью, но как я услышал Павла Валерьевича, Росфинмониторинг не имеет отторжений в отношении этого предложения, безусловно, мы будем двигаться в сторону того, чтобы банки отвечали только за расчетные операции. В этом случае автоматизация может быть практически стопроцентная с точки зрения соблюдения этого трехдневного срока.

Поэтому да, я согласен с той постановкой, которую вы обозначили, но проблема все-таки несколько глубже, она не лежит на поверхности.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, большое Илья Владимирович.

Коллеги, будем завершать. Очевидно, что тема очень важная, тема злободневная. Общаясь с банкирами, причем независимо от того крупные, как сегодня мы послушали, или мелкие, как вчера я в регионе общался, в любом случае тема ПОД/ФТ входит в тройку, в топ-три самых актуальных тем для банкиров. Некого кредитовать, ужесточение регулирования со стороны Центрального банка и огромный массив документов по линии ПОД/ФТ, причем речь идет абсолютно о хороших, добропорядочных "белых" банках. Я, естественно, не говорю о тех банках, которые занимаются отмыванием, у них надо незамедлительно отзывать лицензии, что собственно Центральный банк с успехом и делает.

Поэтому у нас есть рекомендации, которые мы, как я и говорил, берем за базу. Есть очевидные вещи, которые мы сюда запишем, и в том числе о том, о чем мы уже договорились, по поводу законодательных инициатив. Павел Валерьевич, мы, как члены Совета Федерации, готовы быть субъектом законодательной инициативы, о том, о чем мы сегодня говорили, и если потребуется Правительству и вам помощь, но надо это максимально быстро

продвигать, уже действительно год—полтора мы говорим об одних и тех же вещах, и, к сожалению, по ряду направлений не движемся.

Коллеги, в течение недели я прошу вас присылать замечания, предложения дополнительно, о чем мы сегодня говорили, или кто-то что-то не успел сказать, мы это все на своей площадке систематизируем, внесем изменения и выпустим со стороны комитета наши рекомендации, которые, я надеюсь, будут взвешенными и действительно помогут сдвинуть те вопросы, которые в том числе вы сегодня поднимали.

Спасибо большое всем за участие, за выступления, до свидания.
